Н Н ПОДОСОКОРСКИЙ

ОБ ИСТОЧНИКАХ РАССКАЗА ГЕНЕРАЛА ИВОЛГИНА О НАПОЛЕОНЕ

Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне был подготовлен предыдущим литературным опытом Достоевского, включавшим образ Наполеона в ткань художественного повествования. Достоевский постепенно шел к созданию вставного рассказа о Наполеоне, подбирая для него необходимую форму: воспоминания реального участника войн с Наполеоном в «Честном воре» с сильными фольклорными чертами, сновидение об императоре на острове Святой Елены старого князя в «Дядюшкином сне» и, наконец, вымышленный рассказ о придворной службе у Наполеона в Москве русского отставного генерала в «Идиоте». Понятно, что последнее произведение, значительно превосходящее два первых и по объему, и по насыщенности историческими деталями, и по таланту рассказчика, опирается на гораздо большее число источников.

Источники эти самые разнообразные. Некоторые из них можно сразу определить по упоминающимся в тексте цитатам (ода «Наполеон» А. С. Пушкина), намекам («Былое и думы» А. И. Герцена) или авторам (труд Ж.-Б.-А. Шарраса о Ватерлоо). Остальные источники идентифицируются лишь при более глубоком анализе текста, причем необходимо учитывать, что первоначальный материал часто подвергается в этом рассказе серьезным изменениям. Так, например, до сих пор не удалось установить происхождение оформленной Достоевским в кавычки фразы «великан в несчастии» (8, 414), хотя близких по смыслу сравнений Наполеона с колоссом, гигантом или исполином можно обнаружить в литературе первой половины XIX в. великое множество.

Все источники рассказа Иволгина о Наполеоне можно разделить на четыре группы. 1) источники устного происхождения; 2) опубликованные мемуары участников или очевидцев наполеоновских войн; 3) исторические исследования; 4) художественная литература во всем ее многообразии Из последней группы особо выделяется наследие А. С. Пушкина, русские исторические и нравоописательные романы 30-х гг. XIX в. и, наконец, роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир».

© Н Н Подосокорский, 2010
lib.pushkinskijdom.ru

Необходимо признать, что часть работы в этом направлении уже была проделана такими достоевсковедами, как Р Г Назиров,[1] И. Л. Волгин,[2] И. Л. Альми,[3] Г В. Коган,[4] однако специального исследования по этой проблеме до сих пор не существует В одной статье, разумеется, невозможно рассмотреть все источники иволгинской истории, поэтому задача автора гораздо скромнее — показать отдельные примеры связей между рассказом генерала и источниками каждой из четырех выделенных групп.

В своих «воспоминаниях» генерал Иволгин оперирует почти десятком имен исторических деятелей наполеоновского века Упоминание в романе имени императрицы Жозефины могло быть вызвано одним из швейцарских воспоминаний Достоевского августа 1867 г. Жена писателя А. Г. Достоевская посетила 26 августа деревушку Pregny (Прени) недалеко от Женевы, «где жила Жозефина после своего развода с Наполеоном» [5] О своих впечатлениях от этой прогулки она тотчас же по возвращении рассказала мужу, и тот, по ее словам, выразил желание отправиться туда снова вместе.[6] Важно подчеркнуть, что эта прогулка А. Г. Достоевской состоялась как раз в пятьдесят пятую годовщину Бородинского сражения, дату которого Достоевский, сын лекаря Бородинского пехотного полка, надо полагать, помнил всегда.

В пору, когда произошло это героическое событие и последовавшее за ним оставление русскими войсками Москвы, императрица Жозефина жила сначала в Экс-ле-Бен (с августа 1812 г), куда из Женевы часто наезжали толпы визитеров, а затем несколько недель октября 1812 г. в Женеве 4 октября она даже отправилась в префектуру Женевы на прием в честь победы Наполеона над русскими армиями.[7] Только 21 октября Жозефина покинула Леманское озеро,

---

[1] *Назиров Р Г* О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский Материалы и исследования Л , 1974 Т 1 С 209—212

[2] *Волгин И Л* 1) «Родиться в России » Достоевский и современники Жизнь в документах М , 1991 С 144-156, 2) Наполеоновская тема в творчестве Достоевского // Наполеон Легенда и реальность Материалы научных конференций и наполеоновских чтений 1996—1998 М , 2003 С 284—302, *Волгин И Л , Наринский М М* «Развенчанная тень» Диалог о Достоевском, Наполеоне и наполеоновском мифе // Метаморфозы Европы М , 1993 С 127— 164

[3] *Альми И Л* К интерпретации одного из эпизодов романа «Идиот» (Рассказ генерала Иволгина о Наполеоне) // Достоевский Материалы и исследования СПб , 1992 Т 10 С 163—172

[4] *Коган Г В* «Наполеон и великий и теперешний» Отзвуки газетной полемики 1860-х гг вокруг имени Наполеона в романе Ф М Достоевского «Преступление и наказание» // Наполеон Легенда и реальность С 303 -313

[5] *Достоевская А Г* Дневник 1867 года М , 1993 С 240

[6] Там же С 241

[7] *Кастело А* Жозефина Историческое эссе В 2 кн / Пер с фр Ю Корнеева СПб , 1994 Кн 2 С 317

lib.pushkinskijdom.ru

и тогда один из женевцев облегченно произнес: «Императрица уезжает, и — хотя она заставила всех полюбить ее — все этим довольны· образ жизни, воцарившийся здесь после ее приезда, не соответствует нашим привычкам».[8] Возможно, какие-то подробности жизни Жозефины в Швейцарии стали летом 1867 г. известны Достоевскому, и под впечатлением от них он изобразил тоскующего по Жозефине Наполеона в рассказе генерала Иволгина: «„Напишите, напишите письмо к императрице Жозефине!“ — прорыдал я ему. Наполеон вздрогнул, подумал и сказал мне: „Ты напомнил мне о третьем сердце, которое меня любит; благодарю тебя, друг мой!“ Тут же сел и написал то письмо к Жозефине, с которым назавтра же был отправлен Констан» (8, 417). Т. е. Констан должен был отправиться, согласно Иволгину, именно в Швейцарию, где в то время и жила Жозефина и где спустя пятьдесят пять лет создавался роман «Идиот».

Характерные черты лиц из наполеоновского окружения для своей истории Иволгин в значительной мере заимствовал из мемуарной литературы. Этим многочисленным запискам герой даже в какой-то мере противопоставлял свой рассказ· «...что же касается вообще до записок очевидцев, то поверят скорее грубому лгуну, но забавнику, чем человеку достойному и заслуженному. Я знаю некоторые записки о двенадцатом годе, которые...» (8, 410). Прежде всего необходимо обратиться к тем воспоминаниям «старого солдата-очевидца о пребывании французов в Москве» (8, 410), опубликованным в «Архиве» (8, 412), обсуждение которых и послужило импульсом для двух вариантов рассказа Иволгина о Наполеоне (сначала Лебедеву, а затем князю Мышкину). Как указано в комментарии к Полному академическому собранию сочинений писателя в 30 томах,[9] «Достоевский имеет в виду, вероятно, статью „Московский Новодевичий монастырь в 1812 году. Рассказ очевидца, штатного служителя Семена Климыча“» (9, 454).[10] Однако автор этих воспоминаний солдатом не был, во всяком случае в тексте записок ничего не сказано о его военной службе, поэтому предположение о том, что герои Достоевского спорили именно из-за этой статьи, так и остается лишь предположением.

Генералу Иволгину в отличие от Мышкина статья из «Русского архива» совсем не понравилась· «Любопытно, пожалуй, но грубо и, конечно, вздорно. Может, и ложь на каждом шагу» (8, 410).

---

[8] Там же

[9] Ранее это наблюдение было высказано Г М Фридлендером в комментариях к изданию *Достоевский Ф М* Собр соч В 10 т М , 1957 Т 6 С 732

[10] *Климыч С* Московский Новодевичий монастырь в 1812 году Рассказ очевидца — штатного служителя Семена Климыча // Русский архив 1864 Вып 4 Стб 416—434

lib.pushkinskijdom.ru

Блестящий рассказчик Иволгин, вероятно, был раздосадован обилием мелких подробностей самой непривлекательной стороны Отечественной войны 1812 г, которые привел в своей статье по памяти малообразованный штатный служитель Семен Климыч. Из слов самого генерала Иволгина видно, что в мемуарах его прежде всего привлекали «величайшие факты», которых он, естественно, не мог обнаружить в воспоминаниях Семена Климыча: «Ну, опиши я эти все факты, — а я бывал свидетелем и величайших фактов, — издай я их теперь, и все эти критики, все эти литературные тщеславия, все эти зависти, партии и. . нет-с, слуга покорный[1]» (8, 414).

В примечании к публикации воспоминаний С. Климыча издатель специально упомянул, что она не подвергалась никаким изменениям, кроме правописания.[11] Семен Климыч рассказал в своих записках о бесчинствах и мародерстве французских солдат в монастыре и также упомянул о том, как ему однажды пришлось увидеть Наполеона: «Я то забыл. Наполеон, как приехал к нам в монастырь, то еще накануне приказ был, чтоб было чисто .. А как приехал, и с ним было сорок человек их гвардии, объехал Собор и Успенье, никуда не входил, и с лошади не слазил, поехал с монастыря, и мы стояли внутри у ворот, а как подъехал, и мы ему поклонились, а он рукой к щеке, а житник указал, что алой палимашь (плюмаж — примеч. издателя), зеленое перо, мундир темнозеленой, то Наполеон».[12]

Из этого краткого описания Иволгин мог заимствовать очень мало, да и самого отставного генерала со штатным служителем роднило лишь умение обращаться с лошадьми Семен Климыч вылечил лошадь одному французу,[13] а сам генерал был в прошлом драгунским офицером.[14] Наоборот, Иволгин «воссоздает» принципиально иную картину своей встречи с Наполеоном, который у него слезает с лошади и сразу же знакомится с маленьким Ардалионом, вовсе не намеренным кланяться прославленному полководцу. Вместе с тем в своем рассказе очарованный наполеоновской легендой Иволгин сознательно избегает характерных для русской мемуаристики свидетельств о бесчинствах и зверствах французов, осквернении ими храмов, о чем писал и Семен Климыч.

Именно это обстоятельство и вызвало насмешку у «преначитанного» Лебедева (8, 165), который в ответ на первый вариант похождений десятилетнего Иволгина поведал собственную историю о том, как в той же Москве двенадцатого года «французский шассёр навел

---

[11] Там же Стб 417

[12] Там же Стб 427—428

[13] Там же Стб 425—426

[14] О драгунском прошлом генерала Иволгина и о связи его военной карьеры с наполеоновским мифом мною был сделан доклад в ноябре 2006 г на XXXI конференции «Достоевский и мировая культура» в Санкт-Петербурге

lib.pushkinskijdom.ru

на него пушку и отстрелил ему ногу, так, для забавы » (8, 411), акцентировав тем самым внимание на неприглядной стороне войны, которая чаще всего и описывалась ее свидетелями Поскольку книга «Русского архива», которую позднее Мышкин давал читать Иволгину, вероятно, принадлежала тому же Лебедеву, имевшему на даче хорошую библиотеку, то можно предположить, что у него были и другие номера этого журнала, и он в своем фантастическом рассказе, подобно Иволгину, отталкивался от неких конкретных мемуаров, публиковавшихся в 60-е гг XIX в

Одной из таких публикаций были фрагменты записок генерала В А Перовского, впервые изданные в третьем номере «Русского архива» в 1865 г и переизданные еще раз в следующем 1866 г Генерал В А Перовский описал, как при оставлении русской армией Москвы он был сначала задержан французами, потом вероломно пленен и освобожден лишь в 1814 г Наиболее впечатляющим местом в его записках было описание перегона русских пленных из Москвы в Смоленск, во время которого французы безжалостно пристреливали всех отстающих [15] Об этих записках, желая досадить находящимся с ним за «табльдотом» французам, упоминал еще герой романа «Игрок» Алексей Иванович в следующем отрывке «Французы даже перенесли, когда я рассказал, что года два тому назад видел человека, в которого французский егерь в двенадцатом году выстрелил — единственно только для того, чтоб разрядить ружье Этот человек был тогда еще десятилетним ребенком, и семейство его не успело выехать из Москвы

— Этого быть не может, — вскипел французик, — французский солдат не станет стрелять в ребенка!

— Между тем это было, — отвечал я — Это мне рассказал почтенный отставной капитан, и я сам видел шрам на его щеке от пули

Француз начал говорить много и скоро Генерал стал было его поддерживать, но я рекомендовал ему прочесть хоть, например, отрывки из „Записок“ генерала Перовского, бывшего в двенадцатом году в плену у французов» (5, 212)

Процитированный разговор персонажей «Игрока», несомненно, преломился в фантастических историях Лебедева и Иволгина Достоевский после написания «Преступления и наказания», вероятно, собирался вновь обратиться к теме 1812 г в своем творчестве, но вынужденно спешная работа над романом «Игрок» позволила ему лишь мимоходом упомянуть о тех материалах, специально посвященных Отечественной войне с Наполеоном, которые он читал в период 1865—1866 гг В следующем после «Игрока» романе «Идиот» писа-

---

[15] *Перовский В А* Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского / Сообщ Б А Перовский // Русский архив, 1865 2-е изд М , 1866 Стб 1049—1052

lib.pushkinskijdom.ru

тель несколько изменил первоначальный замысел, и «десятилетний ребенок» выведен в нем уже не жертвой французов, но другом их императора

Упоминаемые в «Игроке» записки генерала Перовского использовал при работе над своим романом-эпопеей и Л Н Толстой, который оставил в дневнике запись от 20 марта 1865 г «Читал — Marmont'a В А Перовского плен Даву — казнить» [16] Толстой имел в виду рассказ Перовского о том, как французский маршал Даву принял его за бежавшего ранее пленного и чуть было не приговорил к расстрелу Это обстоятельство позволяет говорить о том, что влияние записок Перовского на рассказ Иволгина было как непосредственным, так и опосредованным, через роман «Война и мир» Рассмотрим влияние этих двух источников мемуарной и художественной литературы на Достоевского на примере образа маршала Даву, упоминаемого Иволгиным

Командующий 1-м корпусом Великой армии во время московского похода Наполеона Л Н Даву назван в рассказе Иволгина не «маршалом», а «генералом» (8, 416), и именно так к нему обращался В А Перовский в своих записках [17] Генерал Иволгин описывает Даву следующим образом «Всего чаще находился при нем (Наполеоне — *Н П*) Даву, как теперь помню огромный, полный, хладнокровный человек в очках, с странным взглядом» (8, 415) Если Даву в записках генерала Перовского говорил «весьма хладнокровно»,[18] то Л Н Толстой развил это краткое упоминание о «хладнокровии» Даву в целый ряд особенностей его личности Даву «Войны и мира» «холодно спрашивает»[19] русского посланника Балашева, имеет «холодное лицо»,[20] говорит «мерным, холодным голосом», от которого «холод, пробегавший прежде по спине Пьера, охватил его голову, как тисками»,[21] просто говорит «холодно»,[22] и, кроме того, носит очки,[23] о чем ничего не сказано у Перовского

Несомненно, сведения о маршале Даву Достоевский почерпнул также из других источников, которые проще обнаружить, если обратиться к другому упоминанию этого деятеля в рассказе Иволгина «С ним (Даву — *Н П*) чаще всего советовался император Он ценил его мысли ⟨ ⟩

---

[16] *Толстой Л Н* Собр соч В 22 т М , 1985 Т 21 С 257

[17] *Перовский В А* Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского Стб 1044

[18] Там же

[19] *Толстой Л Н* Собр соч М , 1980 Т 6 С 25

[20] Там же М , 1981 Т 7 С 43

[21] Там же

[22] Там же С 44

[23] Там же С 43

lib.pushkinskijdom.ru

— По крайней мере они совещались вместе Конечно, мысль была наполеоновская, орлиная мысль, но и другой проект был тоже мысль Это тот самый знаменитый «*conseil du lion*»,[24] как сам Наполеон назвал этот совет Даву Он состоял в том, чтобы затвориться в Кремле со всем войском, настроить бараков, окопаться укреплениями, расставить пушки, убить по возможности более лошадей и посолить их мясо, по возможности более достать и мародерничать хлеба, и прозимовать до весны, а весной пробиться чрез русских Этот проект сильно увлек Наполеона Мы ездили каждый день кругом кремлевских стен, он указывал, где ломать, где строить, где люнет, где равелин, где ряд блокгаузов, — взгляд, быстрота, удар! Все было, наконец, решено, Даву приставал за окончательным решением Опять они были наедине, и я третий Опять Наполеон ходил по комнате, скрестя руки Я не мог оторваться от его лица, сердце мое билось „Я иду", — сказал Даву „Куда?" — спросил Наполеон „Солить лошадей", — сказал Даву Наполеон вздрогнул, решалась судьба „Дитя! — сказал он мне вдруг — что ты думаешь о нашем намерении?" Разумеется, он спросил у меня так, как иногда человек величайшего ума, в последнее мгновение, обращается к орлу или решетке Вместо Наполеона, я обращаюсь к Даву и говорю, как бы во вдохновении „Улепетывайте-ка, генерал, во-свояси!" Проект был разрушен Даву пожал плечами и, выходя, сказал шепотом „*Bah! Il devient superstitieux!*" [25] А назавтра же было объявлено выступление» (8, 415—416)

В процитированном отрывке содержится несколько интересных деталей Ранее М М Наринский назвал упоминаемые Иволгиным проекты «нелепыми» и «просто смешными» «Блестящий наполеоновский маршал собирается солить лошадей, а великий император строить в Кремле бараки — убийственная ирония» [26] Между тем они также основаны на подлинных воспоминаниях участников войны 1812 г, хотя и переданы рассказчиком в несколько искаженном виде Так, называя проект Даву о зимовании в Москве «знаменитым „conseil du lion"», генерал Иволгин перепутал «железного маршала» с другим французским государственным и военным деятелем, государственным секретарем, писателем и переводчиком, покровителем Стендаля, графом империи П -А -Б Дарю, который предлагал Наполеону «„ превратить Москву в укрепленный лагерь и зазимовать в нем Продовольствием и фуражом запастись на всю зиму Если не хватит домов, разместиться в подвалах Так продержаться до весны, пока не придут из Литвы подкрепления, чтобы соединиться с ними и закончить войну победой!" Наполеон тог-

---

[24] «совет льва» (*фр*)

[25] «Ба! Он становится суеверным!» (*фр*)

[26] *Волгин И Л , Наринский М М* «Развенчанная тень» С 142

lib.pushkinskijdom.ru

да воскликнул: „Это совет льва!“ — но не последовал „львиному“ совету».[27] Это образное сравнение Пьера Дарю со львом, принадлежавшее Наполеону, было впервые зафиксировано в знаменитых записках о походе Великой армии в Россию адъютанта императора французов, генерала Ф.-П. де Сегюра. По всей видимости, именно свидетельство последнего «переиначил» на свой лад генерал Иволгин. Вероятнее всего, что Достоевский сам читал эту книгу· мемуары Сегюра, опубликованные впервые в 1824 г., позднее многократно переиздавались и только за три года было выпущено не меньше десяти изданий этой работы [28] В ослабленной памяти генерала Иволгина созвучные имена Даву и Дарю могли смешаться и оттого, что Сегюр ставил их иногда непосредственно рядом: «Даву и Дарю возражали ему (Наполеону. — *Н П.*), указывая на время года, на бесплодную и пустынную дорогу.

Они уверяли потом, что предлагали ему различные проекты Но это был напрасный труд· что могли они говорить человеку, мысль которого опережала всех?».[29]

Восходящие к воспоминаниям Сегюра сведения о Дарю могли стать известны Достоевскому и из вторичных источников. Например, В Скотт, опиравшийся в своем многотомном историческом труде «Жизнь Наполеона Бонапарта, императора французов» на книгу Сегюра, также упомянул о «conseil du lion» «Говорят, что Дарю предложил превратить Москву в укрепленный лагерь и остаться в ней на зиму. Он считал, что можно забить оставшихся лошадей и засолить их мясо. Остальное продовольствие должны были раздобыть мародеры. Сначала Наполеон одобрил этот план, назвав его Львиным Но в конце концов отказался от него, не рискуя на такой длительный срок порывать все связи с Францией».[30]

Приведенный возглас Даву. «Ба!», возможно, перекочевал в иволгинский рассказ из записок генерала Перовского, которому французский маршал неожиданно заявил «Ба! да я вас знаю!» [31]

Можно попытаться обнаружить в рассказе Иволгина и некоторые переклички с нравоописательным произведением Ф. В. Булгарина «Петр Иванович Выжигин» (1831), имеющим многие черты истори-

---

[27] *Segur Ph -P* Histoire de Napoléon et de la Grande Armée en 1812 Paris, 1842 Vol 2 P 94 Цит по *Троицкий Н А* 1812 Великий год России М , 1988 С 250

[28] *Тарасевич Д А* Предисловие // Сегюр Ф -П , де Поход в Россию Записки адъютанта императора Наполеона I / Пер с фр Н Васина, Э Пименовои Смоленск, 2003 С 7

[29] *Сегюр Ф -П де* Поход в Россию С 180—181

[30] *Скотт В* Жизнь Наполеона Бонапарта В 2 т / Пер с англ С де Шаплет М , 1995 Т 2 С 138

[31] *Перовский В А* Из записок покоиного графа Василия Алексеевича Перовского Стб 1044

lib.pushkinskijdom.ru

ческого романа. О булгаринском «Выжигине» Достоевский вспомнил в «Петербургских сновидениях в стихах и прозе» (19, 69), и вполне вероятно, что его прочел, хотя точно неизвестно: имел ли он в виду роман «Иван Выжигин» или его продолжение «Петр Иванович Выжигин».

Первое, что обращает на себя внимание, — это созвучия в окончаниях фамилий Выжигин и Иволгин. Благородный и самоотверженный герой романа «Петр Иванович Выжигин» Булгарина получил свою фамилию в наследство от отца, которого в свою очередь так прозвали в память о рубце, «оставшемся на его плече от выжженного в младенчестве нароста».[32] Иволгина же в силу его регулярного хмельного состояния можно назвать «выжигой». Именно так у Достоевского называли героя «Преступления и наказания» проходящие мимо люди, которые принимали его за пьяного (6, 89, 135). «Пьяный разговор» (8, 402) генерала Иволгина и Лебедева о войне 1812 г., возможно, несет в себе некоторые черты пародирования бесед участников этой войны: Петра Выжигина и доктора Лебеденко.

Этому Лебеденко в семнадцатой главе Петр Выжигин рассказывал о своей схватке с французскими конными егерями в Бородинском сражении, о добровольной сдаче в плен французам из сочувствия к беспомощным русским раненым, которых некому было перевязывать, кроме него, и наконец, о своей удивительной встрече с Наполеоном, который, изумившись столь благородному характеру Выжигина и его находчивым ответам, велел отпустить его из плена без всяких условий.[33] Описываемый Булгариным разговор Выжигина с Наполеоном своей возвышенной патетикой несколько напоминает диалоги десятилетнего Иволгина и императора французов:

«Ваш народ ослеплен, — сказал Наполеон (Выжигину. — *Н. П.*). — Он должен бы знать, что воюет с целой Европой. По одному моему мановению явится миллион солдат. На что вы надеетесь?

Русский офицер указал рукой на небо, потом положил руку на сердце и сказал:

— Бог и любовь к отечеству спасут нас!

Наполеон, обернувшись к своим, сказал:

— Эти русские совсем не такие, какими я представлял их раньше. Меня обманули! Их нельзя не уважать».[34]

Столь же стремительно Наполеон Достоевского проникается симпатией и уважением к маленькому Иволгину: «Наполеон был поражен, он подумал и сказал своей свите. „Я люблю гордость этого ребенка! Но если все русские мыслят, как это дитя, то...“» (8, 413)

---

[32] *Булгарин Ф. В.* Иван Выжигин. Петр Иванович Выжигин. М., 2002. С. 66.

[33] Там же. С. 448—449.

[34] Там же. С. 447.

lib.pushkinskijdom.ru

Очевидный вымысел и фантастичность некоторых из описываемых Иволгиным ситуаций невольно ориентировали читателей романа «Идиот» на сопоставление их с хранившимися в памяти сценами из псевдоисторических романов, подобных произведениям Ф. В. Булгарина. Не случайно генерал Иволгин в разговоре с Мышкиным нарочито противопоставлял свои «подлинные» воспоминания «выдуманным» романам: «Без сомнения, и всё произошло так просто и натурально, как только может происходить в самом деле; возьмись за это дело романист, он наплетет небылиц и невероятностей» (8, 412).

Определить происхождение каждой фразы и сцены в рассказе генерала Иволгина, указав их путь от первоначального источника до его модифицированного варианта, достаточно затруднительно, поскольку, во-первых, источники всех четырех групп тесно взаимосвязаны и порой сложно выделить из них главный; и, во-вторых, часто рассказчик сознательно использует некие штампы, общие места наполеоновского мифа, стремится вдохнуть в читателя сам дух апологетических воспоминаний о Наполеоне. Тем не менее из приведенных примеров представляется возможным сделать вывод, что рассказ Иволгина совсем не является «злой пародией на писания поклонников Наполеона»[35] и «бездарным рассказом»,[36] наполненным пустыми анекдотами, но в причудливой форме подводит некоторый итог осмыслению Достоевским наполеоновского мифа в его творчестве. Осмысление это осложнено еще и тем, что в рассказе Иволгина имеются автобиографические черты не только рассказчика, связанные с его военным прошлым, но и автора романа, связанные с его детством.

---

[35] *Волгин И. Л., Наринский М. М.* «Развенчанная тень». С. 140.

[36] Там же. С. 141.

lib.pushkinskijdom.ru